

© 2005 г.

КОНФЕРЕНЦИЯ «ПОЗДНЯЯ АНТИЧНОСТЬ В СРЕДНЕЙ АЗИИ: АРХЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, ИСКУССТВО (III–VIII ВВ.)» (13–18 ИЮЛЯ 2004 Г., ТЮБИНГЕН, ГЕРМАНИЯ)

13–18 июля в Тюбингенском университете при финансовой поддержке Фонда Герды Хенкель и Службы академического обмена Германии была проведена научная конференция «Поздняя античность в Средней Азии: археология, история, искусство (III–VIII вв.)». Инициатива проведения конференции принадлежала профессору Восточного семинара Тюбингенского университета Х. Гаубе (Heinz Gaube), стипендиату Фонда Александра фон Гумбольдта, Дж.Я. Ильясову (Институт искусствознания АН Республики Узбекистан, Ташкент) и главе Международного центра научного сотрудничества при Тюбингенском университете К. Мозер фон Фильзек (Karin Moser von Filseck). На конференцию были приглашены ученые из Германии, Узбекистана и России. Заседания проходили в Малом зале Новой аулы университета.

Конференцию открыл проф. Х. Гаубе, который отметил актуальность ее темы, представляющей «темный период» в истории Средней Азии. Он выразил надежду, что обмен мнениями участников будет плодотворным и послужит разрешению ряда проблем. В своем кратком выступлении представитель Фонда Герды Хенкель М. Ханслер (Dr. Michael Hansler) отметил, что работа Фонда направлена на поддержку научных исследований в гуманитарной сфере и проведение конференций с участием немецких и зарубежных ученых. Он выразил уверенность в том, что данная конференция послужит делу углубления научного сотрудничества ученых трех стран.

Один из ведущих российских специалистов в военной истории античного Востока В.П. Никоноров (Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург) в докладе «Парфянский вклад в военное дело раннесасанидской империи (III–IV вв. н.э.)» рассмотрел проблему восприятия в сасанидский период аршакидского наследия в аспекте военного искусства. Автор дал краткую и емкую характеристику основных аспектов военного дела Аршакидов. В силу особенностей этноисторического формирования армия парфянских Аршакидов состояла из конных отрядов двух видов – основной массы легковооруженных лучников и небольшого контингента закованных в доспехи пикейщиков-катафрактов. Подобный состав в целом отражал и социальную структуру Парфянского государства, а также этнические различия между парнами, представляемыми династией Аршакидов, и покоренным атохтонным населением. Докладчик проследил влияние парфянской военной традиции на формирование военного искусства Сасанидов. Это сказалось как в организации родов войск, так и на тактике военных действий.

Зорен Штарк (Sören Stark, Martin-Luther-Universität, Halle-Wittenberg) в докладе «Тан Хуэйяо как источник по античной и раннесредневековой топографии округа Иштыхана» постарался по-новому интерпретировать ранее опубликованный Г.А. Пугаченковой материал по раскопкам монументального сооружения на городище Курган-тепе у селения Орлат в самаркандском Согде. Учитывая данные источника, написание которого было завершено в 961 г., он выразил сомнения относительно интерпретации здания как храма огня (по мнению Г.А. Пугаченковой) и предложил видеть в этом сооружении описанный в «Тан Хуэйяо» храм, где находилась золотая скульптура божества Дэси.

Доклад Флориана Шварца (Florian Schwarz, Ruhr Universität, Bochum) «Арабское завоевание Средней Азии. Переходный период?» был посвящен процессу преемственности власти и исламизации местных правящих династий в Тохаристане с VII по X в. По мнению выступающего, принятые в современной науке представления об арабском завоевании как о периоде, во время которого произошел кардинальный перелом системы управления в данном регионе, оставляют в тени проблему континуитета местной власти. Полученные в настоящее время данные (бактрийские документы из архива правителя Роба, опубликованные проф. Н. Симс-Вильямсом) позволяют говорить о том, что в процессе исламизации ряд местных династий сохранял свою власть в отдельных областях Тохаристана.

В докладе «Некоторые вопросы культурной и этнической истории Хорезма между античностью и средневековьем» С.Б. Болелов (Государственный музей Востока, Москва) обратился к материалам многолетних исследований Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнологии и антропологии РАН и археологической экспедиции Института истории, языка и литературы филиала АН Республики Узбекистан. В основу доклада были положены материалы по погребальной обрядности Левобережного Хорезма. Анализ материалов могильников кушано-афригидского периода (IV–V вв. н.э. – погребения на городищах Куныя-Уаз и Кангагыр Кала; могильники Шахсанем, Яссы-гыр 4, Чаш-тепе) дает основания выделить четыре принципиально различных типа погребальных обрядов: трупосожжение на стороне с последующим захоронением кальцинированных костей; трупоположение в катакомбах, в яме и в подбое; захоронение очищенных костей как в сосудах, так и в ямах; погребальные ритуальные площадки. Имеющиеся аналогии и близкие параллели выделенным погребальным обрядам, а также данные антропологии указывают на восточное направление этнических связей Хорезма как на основное (от Сырдарьи до Минусинской котловины).

Р.Х. Сулейманов (Национальный университет Узбекистана, Ташкент) в докладе «Древний Нахшаб в эпоху Великого переселения народов» говорил о историко-климатической ситуации в Средней Азии в первой половине I тыс. н.э. В ее контексте он рассматривает исторические процессы в изучаемом им регионе Нахшаб – древнем Каршинском оазисе. По мнению автора, III век нашей эры стал своеобразным рубежом для целого ряда процессов, оказавших влияние на формирование культуры Согда, в том числе и Южного. Речь идет о миграции в Нахшаб носителей джетысарской культуры, что отразилось в керамических материалах Южного Согда III–IV вв. Кроме того, в это время отмечается сильное парфянское влияние на культуру Нахшаба, позволившее М.Е. Массону выдвинуть гипотезу о воцарении в Нахшабе боковой ветви Аршакидов. Новые материалы, в том числе полученные автором доклада, служат подтверждением этой гипотезы. Анализ иконографии разнообразного изобразительного материала позволяет автору реконструировать сложную религиозную картину в Нахшабе эпохи Великого переселения народов.

Дж.Я. Ильясов выступил с докладом «Хиониты, эфталиты и правящий дом Кан», где предпринял попытку, суммируя данные по знакам-тамгам, проследить династийные связи между правителями различных историко-культурных регионов Средней Азии в IV–VII вв. В частности, автор дает объяснение появлению так называемого У-образного знака на монетах правителей самаркандского Согда. По его наблюдениям наиболее раннее появление этого знака отмечается в Тохаристане в конце IV в. В дальнейшем распространение У-образного знака на территорию Согда, вероятно, связывается с образованием эфталитского государства. Именно тогда завоевание Согда происходило с юга. Аналогичное (южное) направление связей демонстрируют знаки на монетах правителей Пенджикента. Так, тамги на монетах Гамаукяна сравниваются им с якорезобразной тамгой на монетах термезского чекана и тамгой-надчеканом на эфталитских подражаниях Перозу (эмиссии 289 по Р. Геблю).

В докладе «Битва Александра в искусстве Средней Азии?» М. Моде (Markus Mode, Martin-Luther-Universität, Halle-Wittenberg) предложил оригинальную концепцию происхождения иконографии отдельных сцен на одной из известных орлатских пластин. Проанализировав изображения всадника рядом с упавшей лошастью и некоторые другие детали, докладчик высказал предположение, что данные иконографические решения восходят к длинному ряду не дошедших до нас копий и подобий несохранившейся картины, изображавшей битву Александра с Дарием. Общепринято, что известной копией этой картины является знаменитая помпейская мозаика. М. Моде показал ряд иконографических соответствий, возможно, подтверждающих его предположение. Кроме того, им были продемонстрированы некоторые произведения эллинистического искусства, которые также могут рассматриваться как воспроизведение иконографических схем, ставших образцами для художников в эпоху эллинизма, а также в более поздний период.

Ш.Р. Пидиев (Институт археологии, Самарканд) сделал доклад «Исследование вихары на северном холме Каратепа. Каратепа – важнейший центр буддизма в Южном Узбекистане». В нем он продемонстрировал новые материалы, полученные на одном из наиболее известных памятников буддизма в Бактрия-Тохаристане. В результате раскопок совместной Узбекско-японской экспедиции на северном холме Каратепа был открыт большой наземный буддийский монастырь, который имеет планировку, традиционную для буддийских монастырей кушанского времени: центральный двор с айваном по периметру, обводной коридор со сводчатым перекрытием вокруг двора. Вдоль северного и восточного коридоров располагались кельи монахов. Вероятно, главное святилище находилось с южной стороны двора. С северной стороны к монастырю примыкает ступа. Первоначально она имела круглую планировку. По мнению автора, эта ступа построена не позднее II в. н.э. и является одним из наиболее ранних сооружений на северном холме. Ш.Р. Пидиев считает, что в начале III в. первоначальная ступа была перестроена. Из сырцового кирпича построена прямоугольная платформа, которая включила в себя раннюю ступу. Судя по найденным фрагментам каменного декора, первоначально монументальная ступа была богато украшена. Ре-

пертуар декора включает изображения Будды, бодхисаттв, дэватов, донаторов и др. Во второй половине III в. вихара подвергалась сильному разрушению, однако затем была восстановлена и функционировала до конца IV в. В V–VI вв. заброшенные помещения монастыря используются под некрополь.

Т.К. Мкртычев (Государственный музей Востока, Москва) в докладе «Буддизм в Бактрии-Тохаристане» дал обзор истории буддизма на территории Бактрии-Тохаристана. Учитывая имеющиеся на сегодняшний день материалы, автор предложил реконструкцию процесса проникновения буддизма в Бактрию. Если о начале этого процесса ведутся дискуссии, основанные на косвенных данных, то фактическое распространение буддизма в Бактрию следует датировать временем второго кушанского императора Вимы Такто (вторая половина I в. н.э.), при котором начинается строительство буддийских культовых сооружений. Анализируя материалы буддийской эпиграфики и археологические данные относительно религиозной ситуации в регионе в кушанское время, докладчик подчеркнул, что буддизм был религией местной знати и не имел широкого распространения среди простого населения Бактрии. Запустение ряда буддийских памятников в III–IV вв. надо связывать с изменением после походов Сасанидов правящей верхушки региона, часть которой перестала поддерживать буддизм. Материалы эфталитского времени (V–VI вв.) свидетельствуют о существовании буддийских памятников на территории Тохаристана. Вместе с тем, очевидно, что буддизм здесь не имел такого влияния, как в предшествующее время. Некоторый подъем буддизма наступил только после прихода к власти в ряде областей региона тюркских династий (VII–VIII вв.). Вероятно, в это время буддизм расширил свою социальную базу и после знати и горожан получил распространение и среди сельского населения. Возможно, с этим связано появление в Тохаристане памятников так называемого «негородского буддизма». Докладчик говорил о том, как изменялись связи буддийской общины Бактрии-Тохаристана с окружающим буддийским миром с I по VIII в. Приход ислама в конце VII в. стал началом исчезновения буддизма из региона, которое завершилось в IX–X вв.

Л.С. Баратова (Институт археологии АН Республики Узбекистан, Самарканд) в докладе «О начальной фазе собственного монетного чекана в Южном Согде (III–VIII вв. н.э.)» рассмотрела медный чекан Южного Согда, который хронологически разделяется на три группы: раннюю (III–IV вв.); среднюю (IV–VI вв.) и позднюю (VII – первая половина VIII в.). Докладчик указала на появление фактического материала, подтверждающего гипотезу М. Альрама и А. Наймарка о генетической связи серебряных согдийских монет с изображением лучника и ранней эмиссии самостоятельного нахшебского чекана. Позднее на этой основе сформировался тип нахшебских монет IV–VI вв. со сценой единоборства. По мнению Л.С. Баратовой, персонаж в сцене единоборства соответствует образу женского божества, которому был посвящен один из храмов Еркургана. Новые данные позволяют уточнить предложенную Б.Д. Кочневым локализацию монет с изображением коня, которые являются последней предисламской эмиссией в Каршинском оазисе.

В докладе «К характеристике стиля раннесредневекового искусства Согда» *А.А. Хакимов* (Институт искусствознания АН Республики Узбекистан, Ташкент) попытался дать суммарную оценку такому художественному феномену в истории искусства Средней Азии, как согдийское искусство. Исторические и экономические предпосылки – расцвет трансконтинентальной торговли по Великому шелковому пути в VI–VII вв. и концентрация значительной части этой торговли в руках согдийцев дали мощный импульс для развития своеобразного согдийского искусства. В настоящее время становится все более понятно, что истоки согдийского искусства лежат в искусстве Бактрии-Тохаристана. Вместе с тем специфика Согда, где происходило пересечение мастеров и произведений разных культур Востока и Запада, породила совершенно новый стиль, основной характеристикой которого является сочетание внутри одного вида искусства, одного произведения иконографических решений разных художественных традиций. Докладчик подробно остановился на репертуаре согдийского искусства.

С.Р. Ильасова (Институт археологии АН Республики Узбекистан, Самарканд) в докладе «Раннесредневековые памятники на территории Ташкента», обобщила данные о раннесредневековых памятниках на территории современного Ташкента и познакомила участников конференции с материалами, полученными ею в результате исследований на Ак-тепе Юнусабадском. В так называемой дворовой части замка автором был раскопан комплекс парадных помещений, характерных для раннесредневековой дворцовой архитектуры Средней Азии. Это позволяет сделать предположение о высоком социальном статусе владельца замка. Комплекс находок дает основание для датировки открытых сооружений VII – началом VIII в.

Доклады сопровождалась оживленной дискуссией. По окончании конференции участники выразили единодушное мнение о необходимости дальнейших встреч и обсуждения стоящих перед исследователями проблем по истории и культуре Средней Азии поздней античности – раннего средневековья.

Дж.Я. Ильасов, Т.К. Мкртычев